

*Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.*

«Скупой рыцарь»

А.С. Пушкин

ИГРА КРОВИ

• 1 •

— Не знаю, право, как дотерпеть, — сказал Силин, блаженно потягиваясь.

Около трех часов дня 31 декабря 1898 года в приемном отделении сыскальной полиции Петербурга было пустынно. Начальник сыска, статский советник Шереметьевский, еще в полдень отбыл под благовидным предлогом, оставив строгое распоряжение всем быть до конца присутствия, то есть до восьми вечера. Отлучаться дозволяется на вызовы и по срочным делам.

У чиновника Викторова тут же нашлись таковые в самом дальнем, Петергофском, полицейском участке города. Чиновник Коцинг обязан был сегодня кровь из носу побывать в окружном суде, где не проходило ни единого заседания. Чиновник Лукашук вспомнил, что ему надо срочно навести справки во Врачебно-полицейском комитете, хотя обычно неспешно отправлял туда запросы. Чиновник Власков ушел в Литовский замок¹ снимать допрос с арестованного вора, которого ничего

¹ Тюрьма, располагавшаяся на углу Офицерской улицы и Крюкова канала, недалеко от сыскальной полиции.

не стоило доставить в сыск. Даже делопроизводителям Кузьменко и Ляшенко понадобилось в полицейский архив, где архивная пыль соскучилась без них.

Чиновники были заняты важнейшими делами службы. Что неудивительно: последний день года для них — тяжкое испытание. После трех дней рождественских праздников, пролетевших вихрем, в календаре выпало три присутственных дня. Предстоящий выходной новогоднего праздника, 1 января, казался глотком свободы и передышкой, так необходимой измученной чиновничьей душе, которой не хочется трудиться, а хочется веселиться. Как и любой человеческой душе.

Кроме Силина, который не сумел, как ни старался, выдумать благородный повод, чтобы улизнуть, в присутствии оставался еще один чиновник. Сидел он в дальнем углу за столом, кое-как втиснутым к окну. Чернильная ручка торчала знаком укора, призывая взяться за стопку неразобранных справок. Вместо этого он читал, разложив на коленке, приключения Одиссея на острове Итака. Читал в оригинале, как написал старик Гомер.

— Нынче наверняка ничего не случится...

— Идите домой, Силин, — сказал чиновник, не отрываясь от книжки.

— Но как же, еще часа четыре присутствия...

— Не тратьте это время зря...

Силин еще сомневался. Но искушение было слишком сильно. Он живо представил, как отправится на Невский в магазин Николая Линдена, выберет симпатичный и недорогой подарок, кулончик или сережки из серебра, а потом полетит в уютное гнездышко, где чу-

десно встретит Новый год. А до этого еще успеет посидеть в кофейной или пропустит рюмочку в «Медведе»¹. Вечер манил многими удовольствиями.

— Но как же вас оставить?

— Подежурю в сумерках. Темноты не боюсь.

Нельзя отказаться от такой любезности. Тем более от господина с не самым лучшим характером. Другьями они не были. Аккуратно сложив бумаги стопкой, Силин встал и поправил галстук.

— Родион Георгиевич, где праздновать будете?

— Меня пригласили, — ответил Ванзаров, перевернув страницу.

Что было правдой отчасти. Пригласил его Гомер. Отказавшись от зазываний брата, впрочем не слишком настойчивых, как и призывов друзей, Ванзаров собирался встретить Новый год, как подобает истинному стоику: на диване с «Одиссеей». А утром 1 января хорошенько выспаться до полудня. Ванзаров не понимал логику: праздновать переход условной линии между месяцами. Между мартом и апрелем ничем не хуже. Какая разница, когда отмечать.

Пожелав весело проводить старый и встретить новый год, Силин вышел за дверь. Однако довольно скоро вернулся.

— Там в участке дама вас спрашивает. Провести?

Сыскная полиция размещалась на третьем этаже полицейского дома на Офицерской улице. Первый этаж занимал 3-й участок Казанской части. Все, кто хотел попасть в сыск, не могли миновать его.

¹ Популярный ресторан-кафе на Большой Конюшенной улице.

— Дама спрашивает меня или сыскную полицию?

— Именно вас. Так и сказала: где мне найти господина Ванзарова по личному делу.

Визитов Ванзаров не ожидал. Тем более по личным делам. Отказать было невежливо. Не успел он закрыть книгу, как Силин вернулся с дамой и предусмотрительно исчез. Ванзаров предложил госте стул. Она присела на краешке.

Требовалось несколько секунд, чтобы составить мгновенный портрет. Теплая шапочка с вуалеткой, прикрывавшей брови, соболиный полубубок, юбка английской шерсти, меховая муфта и облегающие перчатки, которые от мороза не спасали, но руки делали тонкими. Одежда новая, модная, недешевая. Дама не принадлежит к высшему аристократическому обществу, не из купцов или разночинцев, скорее — состоятельный средний класс. Жена преуспевающего чиновника или банкира. Ботиночки чистые, приехала на пролетке. В ушах серьги с рубинами. Как капельки крови. Держится спокойно, уверенно. Глаза карие, почти темные, взгляд цепкий, умный. Мгновенный портрет был бы чуть полнее, если бы дама не хлюпала носом, прикрываясь платочком бельгийского кружева.

— С кем имею честь? — Ванзаров втиснулся между стеной и столом.

— Мадам Половцева, жена коллежского советника Половцева из Центрального комитета иностранной цензуры...

С этим комитетом, входящим в Министерство внутренних дел, Ванзаров общения не имел. Знакомых у него там не было.

— Кто меня рекомендовал?

— Наш друг, Александр Иванович Уверский, из Врачебно-полицейского. Он сказал, что только вы помочь можете. У вас талант и репутация лучшего сыщика столицы. Если не вы, то уж никто не поможет...

Чиновника Уверского Ванзаров знал. Обычное знакомство, не более того. А к лести был равнодушен. Если не сказать — не переносил на дух. Особенно раздражало, когда его, чиновника сыска, называли сыщиком. Как какого-нибудь прохвоста из бульварного романчика.

— У вас что-то украли?

Не перестав шмыгать, Половцева покачала головой.

— Обстоятельства, которые вынудили обратиться к вам, значительно хуже...

Сейчас должно последовать обвинение мужа в измене, которое надо доказать, чтобы дама смогла подать на развод. Обычные семейные дразги. Чужим грязным бельем сыскная полиция не занимается.

— Что же случилось в вашем семействе? — спросил Ванзаров, предвидя ответ.

Мадам Половцева помедлила.

— Меня хотят убить.

Ванзаров согласно кивнул. В сыскную полицию регулярно обращались дамы и господа, которые были уверены: их преследуют, хотят уничтожить, медленно отравить, свести со свету или навести порчу. Чаще всего весной и осенью, во время обострений у тех, кого родственники ленятся содержать в лечебницах для душевнобольных. Зима и мороз обычно успокаивали взволнованные души. Вот только мадам Половцева

не выглядела неуравновешенной истеричкой. Скорее наоборот: трезва и рассудительна.

— Это ваши подозрения?

— Не посмела бы тратить ваше время, господин Ванзаров, на пустые подозрения. Я точно знаю, что меня хочет убить мой муж.

— Подобному обвинению нужны факты.

— У меня они есть, — сказала Половцева, утирая носик. — Три месяца назад умерла моя подруга, мадам Щедрина, два месяца назад умерла другая моя подруга, мадам Сердечкова. Теперь настал мой черед.

Фамилии умерших ничего не говорили. Или дела закрывались приставами участков без помощи сыска, или их попросту не было. То есть смерть была признана естественной.

— Что случилось с вашими подругами?

— Они внезапно умерли. Причиной был поставлен сердечный приступ. Здоровые, молодые женщины умерли от сердца. Полиция не встревожилась. Хватило врачебного заключения.

— Полагаете, их отравили?

— Я в этом уверена. Как уверена, что пришел мой час. Если вы меня не спасете...

— Для того чтобы вновь открыть дело, требуется разрешение на эксгумацию. Прокурор потребует веских улик. У вас есть конкретные доказательства?

Раздалось тяжкое всхлипывание, дама сдерживала рыдание.

— У меня нет доказательств... Подруг не вернуть... Но я не хочу умереть сегодня, как они... Спасите меня...

— Вас должны убить сегодня? — спросил Ванзаров.

Она старательно промокнула глаза.

— Не верите мне... Понимаю. Так вот знайте, мадам Щедрина умерла на званом приеме, сидя за общим столом... Мадам Сердечкова упала замертво на балу, прямо посреди зала... Сегодня вечером я приглашена на новогодний банкет в ресторане «Донон»... на котором меня убьют. Я не доживу до утра. Можете не сомневаться.

— Отравить в публичном месте на банкете непросто...

— Муж не будет травить меня.

— Простите, тогда не вижу логики.

Мадам Половцева погрузилась в раздумья.

— До того как погибнуть, подружки успели рассказать мне... Это настолько странно, что трудно поверить. Вы слышали об «Одиссее»?

О легендарном герое Ванзаров много чего слышал. Мог даже процитировать. Он ждал пояснений.

— Вижу, слухи до вас не дошли, — продолжила Половцева. — «Одиссей» — нечто вроде тайного клуба, где членам помогают избавиться от жен. Чтобы наслаждаться свободой и независимостью. Беспощадные, циничные и безжалостные люди. Они убивают не ради денег, выгоды или наследства, а ради удовольствия. Ради безумной идеи мужской свободы... Каждый член клуба обязуется помогать в убийстве чужой жены. За это его жена погибнет будто бы естественной смертью. Я точно знаю, что мой драгоценный муж стал членом этого клуба. Меня может спасти только чудо. Или вы... Огласка бесполезна. Они не оставляют следов... Муж будет все отрицать...

Если мадам Половцева была не в себе, то умело скрывала болезнь. Ванзаров не нашел признаков вранья. У него имелось три инструмента нахождения истины: мгновенный портрет, майевтика и психологика. Мгновенный портрет дал все, что мог. Майевтика была бесполезна. А психологика применялась при выявлении преступника. Оставалась еще формальная логика, но она говорила, что такого быть не может: клуб мужей-убийц, почти тайное общество. А тайными обществами в Российской империи занималась политическая полиция. Совсем другой спрос.

— В чем должна заключаться моя помощь?

— Остановите убийцу! — с напором выкрикнула Половцева.

— У меня нет прав ни обыскать, ни допросить участников банкета.

— Ваше присутствие их остановит... Знаю, что по правилам клуба дается только одна попытка. Прошу вас принести ничтожную жертву: надеть смокинг, прибыть к девяти вечера в «Донон» и зорко следить за тем, что происходит за столом. Спасите меня, господин Ванзаров!

Сыскная полиция имеет дело с преступлениями совершенными. Нельзя арестовать преступника, когда он что-то замышляет. За мысли не арестовывают. Даже если в кармане у кого-то найдется пузырек с ядом, это не доказательство. Суд присяжных не поверит. К тому же действовать без разрешения Шереметьевского, хотя бы формального, Ванзаров не имел права.

— Могу дать совет, мадам Половцева: разрушьте план убийц. Не ходите на банкет. Уезжайте на ближайшем

поезде в Москву. 2 января обещаю поговорить с вашим мужем.

Дама опустила голову и спрятала платок в рукав.

— Что ж, благодарю... На большее не рассчитывала... Утешайтесь, что вам будет легко расследовать мою смерть... Вы уже знаете, кто убийца... Пожалуйста, не дайте им уйти от возмездия...

Чтобы не разрыдаться, мадам Половцева закрыла рот ладошкой и стремительно выбежала.

Иногда чиновники сыска бывают беспомощны. Ни догнать, ни остановить, ни утешить Ванзаров не мог. Он не мог отправиться в Цензурный комитет, чтобы припугнуть чиновника Половцева: «Я знаю, что вы хотите убить жену под Новый год». Оставалось только проверить факты смерти Щедриной и Сердечковой. По сводкам полицейских участков за последние четыре месяца такие дамы не проходили. Вероятно, смерть в публичном месте не вызывала у докторов подозрений.

Однако расследовать убийство милой мадам Половцевой, если оно случится, совсем не хотелось. Ванзаров счел, что спасение жизни — достаточный повод, чтобы покинуть приемное отделение, оделся, запер дверь и спустился в участок.

Дежурный чиновник протянул письмо. Небольшой конверт дорогой атласной бумаги. В таких шлют приглашения на свадьбу или званый прием. Внутри оказалась карточка, написанная от руки:

«Клуб «Одиссей» имеет честь пригласить господина Ванзарова на банкет в честь Нового года и новых приключений. Непременно ожидаем вас в зеркальном зале

ресторана «Донон» к девяти вечера. Обещаем незабываемый праздник».

Подписи не было. Почерк прямой, резкий, жесткий. Скорее мужской.

— Конверт оставила дама, что приходила ко мне? — спросил Ванзаров.

— Часа два как лежит...

— От кого?

— Принес посыльный в форменной тужурке «Англия».

Гостинца невдалеке, на Исаакиевской площади.

На часах не было еще и четырех. Ванзаров прикинул, что успеет подготовиться основательно. Такое приглашение нельзя пропустить.

• 2 •

Последние шестьдесят лет ресторан «Донон» был знаменит отличной кухней, высокими ценами и вышколенными официантами артели касимовских татар. Располагалось заведение во дворе дома на набережной реки Мойки поблизости от Дворцовой площади и резиденции императора, Зимнего дворца. Что никак не сказывалось на публике. Гуляли и ужинали здесь разнообразные господа. Например, Петербургская академия наук ежегодно давала праздничный ужин для академиков.

В вечерний час общий зал ресторана был полон. В последнее время в Петербурге стало модно встречать Новый год в публичных местах большими компаниями, словно ставя жирную точку после рождественских гуляний. Впрочем, гулянья в столице, не в пример Москве,

были умеренными и сдержанными. Как требовал дух военнo-чиновной столицы. Публику развлекал румынский оркестр.

Среди гостей, заранее оплативших столик, виднелся крупный господин, которого почитали в ресторане за щедрые чаевые, а не за славу великого криминалиста. Несколько часов назад Лебедев внезапно воспылил желанием отпраздновать Новый год в «Дононе». Простому смертному отказали бы, но для него столик нашелся. Застольного приятеля Аполлона Григорьевича официанты будто не замечали. Что являлось важным умением его службы. Старший филер Курочкин обладал редким свойством: оставаться незаметным, несмотря на чрезмерный рост. Даже в ресторане он умудрялся выпадать из поля зрения.

Ванзаров старательно не замечал этих двоих, не отказавших его просьбе. Мучился он не угрызениями совести: смокинг жал тисками. Ни вздохнуть, ни шею повернуть. Как в стальном панцире. Чтобы оглядеться, приходилось поворачивать корпус. Мучение хуже, чем стоять на приеме в Министерстве внутренних дел в официальном мундире со шпагой.

Осматривая зал, он заметил чиновника Уверского, который ужинал в одиночестве. Тот замахал, приглашая к себе. Ванзаров подошел, ответил на рукопожатие, садиться отказался.

— С кем встречаете Новый год?

— Я здесь по делу. По просьбе мадам Половцевой, — сказал Ванзаров.

На лице Уверского не отразилось ни удивления, ни благодарности. Будто впервые слышал фамилию.

— Мадам Половцева? Супруга Сергея Яковлевича?
О чем она вас просила?

— Вы рекомендовали обратиться ко мне.

— Ах, да-да, вспомнил. Месяца три назад Елизавета Андреевна спрашивала меня: не знаю ли кого-нибудь из сысской полиции... Ее стали одолевать страхи...

— Какого рода страхи?

— О, женщины всего боятся! — Он сдержанно улыбнулся. — Только дай им повод.

— Ее муж вступил в клуб «Одиссей». Повод достаточный?

Уверский повел себя немного странно: оглянулся, будто за ним могли следить, и взял Ванзарова за локоть.

— Уже слышали? Что вам известно? — В его голосе мелькнуло игривое любопытство.

— А что вам?

— Если правда, что говорят о клубе... Как бы я мечтал стать его членом.

— Вам для чего? — спросил Ванзаров, помня, что Уверский овдовел года два назад.

— Отменное приключение! Члены клуба устраивают игры, в которых надо проявить смекалку и сообразительность. Подробности неизвестны, одни слухи, но кажется, нечто новое, волнующее кровь. Куда сильнее бильярда или карт. Как раз для поднятия тонуса в нашем тусклом и сыром климате. Обещайте рассказать, если что-то узнаете конкретное...

Ванзаров пообещал. Он подошел к дверям зеркального зала, тоже зеркальным. Перед ними возвышался столик с плоской медной чашей, в которой горел огонь. Метрдотель Мельпе поклонился, спросил приглаше-

ние. Ванзаров протянул карточку. Мельпе взглянул и бросил в огонь. Картон вспыхнул. Вокруг пламени лежали три бумажных огарка.

— Зачем сжигаете приглашения? — спросил Ванзаров.

— Таково условие хозяина вечера.

— Кто хозяин этого вечера?

— Прошу простить, но мы не раскрываем такие сведения. — Мельпе распахнул дверь. — Добро пожаловать, постараемся приложить все усилия, чтобы праздник стал незабываемым. Позвольте заметить, что меню составлено исключительно. Несколько перемен блюд: заливное из севрюги, «Сюпрен де войяльс» с трюфелями, волован «Тулиз Финасвер», рябчики, мороженое-шербет и свежие фрукты.

У гурмана должны были потечь слюнки. Ванзарову мешал смокинг.

Зеркальный зал представлял собой вытянутое помещение, стены которого покрывали сводчатые зеркала. Самое большое располагалось у задней стены, рядом с входной дверью. Небольшая сцена находилась на противоположном конце зала. Перед ней пылала медная жаровня, отчего в зале было чрезвычайно жарко. Ванзаров ощутил себя и в тисках, и в печке.

Он поклонился гостям. Собрались три семейные пары. Мадам Половцева взглянула и глазом не повела. Как будто не узнала в смокинге. Мучения Ванзарова были напрасными: из мужчин парадно одет был только он. Прочие обошлись удобными пиджаками. Дамы тоже не отличались праздничными туалетами. Скорее скромными, для семейного ужина, а не банкета. Мадам

Половцева была в черном платье, не слишком вызывающем, без украшений. Только рубиновые капельки в ушах.

Банкет был накрыт на восемь персон. Таблички с фамилиями указывали порядок рассадки. Ванзарову досталось место в начале стола, почти у двери. Напротив него стояла табличка, которую можно было прочесть отражением в зеркале. Отраженные буквы сообщили о господине Одиссее. Кроме тарелок и приборов, в чашах с колотым льдом стояли кувшины лимонада. Ванзаров сдержал порыв налить бокал и жадно выпить.

За стол не садились. Гости держались у зеркальных стен. Представить Ванзарова было некому. Он взялся сам. Господину Половцеву, который оказался ближе всего, представился полным чином. Тот приподнял брови и церемонно пожал руку. Следующим оказался господин Щедрин с супругой. Новый знакомый чинов не назвал, сообщив, что «служит в министерстве». Последним Ванзаров познакомился с господином Сердечковым, который рекомендовал себя как помещик. Супруга его, не слишком привлекательная, была вполне жива. Скорее молчалива. Впрочем, как и мадам Щедрина.

Мадам Половцева держалась в стороне, у сцены. Ванзаров подошел, поклонился.

— Вашу просьбу исполнил, — тихо сказал он.

На него взглянули так, будто он ляпнул несусветную глупость.

— Простите, не понимаю, о чем вы.

— Не позволю вас убить.

— Меня? Убить? Да о чем вы говорите?

— Примерно пять часов назад в сысской полиции вы убеждали, что на вас готовится покушение...

— Вот как? Чрезвычайно странно, — сказала она неприязненно. — Не имею чести вас знать, господин...

— Ванзаров... — подсказал он.

— ...Ванзаров. В мыслях не было ходить в сысскую полицию. Тем более что приехала с мужем несколько часов назад из Москвы.

— Прошу простить, значит, ошибся, — сказал Ванзаров и отошел. Находиться около жаровни было невозможно.

Распахнулась дверь. Вошел метрдотель.

— Господа, хозяин вечера просил передать извинения, что задерживается, просит начинать без него.

Гости расселись, вошли официанты с большими подносами. На столе появились холодные закуски: грибы, огурцы, помидоры, пахнущие густым и крепким маринадом со специями. За ними — бутылки шампанского. В довершение перед каждым гостем поставили порционное блюдо с заливной севрюгой и соусник со сметаной. По взмаху метрдотеля на сцену вышел ансамбль венгерских цыган-скрипачей: восемь крепких мужчин с роскошными черными бакенбардами, в белых чулках и болеро, обшитых ярко-красными шнурками и разноцветным орнаментом. Дирижер, господин Риго, одетый не менее броско, с сильным акцентом пообещал сделать вечер незабываемым. Официанты наполнили гостям бокалы и удалились.

Оркестр заиграл бравурную венгерскую мелодию. Никто не решался поднять бокал. Рядом с Ванзаровым оказался господин Щедрин. Между ним и господином

Половцевым сидела мадам Сердечкова. На другой стороне стола господин Сердечков оказался между дамами: по правую его руку — Щедрина, по левую — Половцева. Елизавета Андреевна сидела наискосок от Ванзарова и напротив мужа. Она положила в тарелку горку грибов и соленых огурцов и принялась поглощать так жадно, будто не ела с самой Москвы. Глядя на нее, прочие гости стали накладывать маринады и ковырять вилками в севрюге. Ванзаров налил себе фужер соблазнительного лимонада, но не притронулся. Атмосфера за столом мало походила на дружеский банкет. Если бы не цыганские скрипки — скорее поминки, а не новогодний праздник.

Севрюга призывала насладиться ею, но Ванзаров посматривал на гостей. Зеркала позволяли следить не только за теми, кто сидел перед ним, но и за соседями. Как вдруг Половцева подмигнула ему. Ванзаров ответил прямым взглядом. Она подмигнула еще раз, что можно было расценить как извинение. И благодарность за помощь. Молчаливую, но искреннюю. И за подвиг в смокинге.

Посреди популярной мелодии Штрауса распахнулась дверь, в зал быстрым шагом вошел молодежавый господин. Щеки его покраснелись, прическа слегка потрепана, как будто он взъерошил волосы.

— Лиза! — вскрикнул он. — Наступает Новый год, и я, Арнольд Кошляков, не желаю больше лжи и фальши! Нашу любовь нельзя скрывать! Я хочу, чтобы все знали: я люблю тебя, как солнце! Ты моя и будешь принадлежать только мне!

Челюсть господина Половцева отвисла, он замер с вилкой, на которую нацепил кусок севрюжины. Мадам Половцева выронила салфетку, привстала и рухнула на пол. Ванзаров подоспел к ней, потрогал шейную вену. Пульс был. Елизавета Андреевна находилась в обмороке.

— Нашатырь! — крикнул Ванзаров растерявшемуся официанту, который вносил новое блюдо. И, не дожидаясь, применил верное средство от обмороков: отшлепал по щекам. Половцева вздрогнула, открыла глаза.

— Спасибо, — одними губами произнесла она. — Впереди самое интересное.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ванзаров, помогая ей встать.

— Благодарю вас, — ответила она, садясь на стул.

— Налить лимонада?

— Нет-нет, не нужно. — Половцева оправила сбившееся платье.

Никто из гостей не покинул мест. Господин Половцев напряженно разглядывал тарелку. Виновник обморока стоял в некоторой растерянности среди зеркальных отражений.

— Господин Кошляков, прошу вас покинуть зал, — сказал Ванзаров.

Любовник схватил фужер, наполнил до края лимонадом и проглотил залпом.

— Я жду тебя, Лиза, в небесах нашего счастья! И готов ждать вечно...

Сделав столь важное заявление, он пробежал мимо официанта, который принес пузырек нашатыря.

— Господа, продолжайте играть, — сказал Ванзаров дирижеру по-немецки. Господин Риго кивнул, взмах его палочки запустил венский вальс. Никто не вышел из-за стола.

Ванзаров вернулся на свое место, зачерпнул ложкой сметану, поместил на заливное, отломил вилкой кусочек и положил в рот. После чего тщательно вытерся салфеткой и отложил ее комком в сторону.

Он наблюдал за Половцевой. Обморок не прошел бесследно: Елизавета Андреевна была бледна, покачивала головой. Она поглощала маринады, будто заглущая лютый голод. Как вдруг дернулась, съежилась, вскрикнула и повалилась на пол. Выскочив в большой зал, Ванзаров подал условный знак тревоги. Чтобы не пугать гостей полицейским свистком.

• 3 •

Аполлон Григорьевич принялся опускать закатанные рукава сорочки.

— Все, что мог, — сказал он, глядя в раскрытый зев желтого саквояжа.

Великий криминалист был мрачен. По большей части имея дело с трупами, он считал делом чести спасти жизнь, когда возможно, зная и умея больше любого доктора. И сильно печалился, если чужая жизнь выскальзывала из его рук.

Мадам Половцева лежала неподвижно в бурой луже. Промывание желудка не помогло. Кожа ее приобрела бледный оттенок. Глаза равнодушно смотрели в фигурный потолок, руки раскинулись вдоль тела. Вокруг губ

остались следы белесой пены, по подбородку стекала обильная слюна. Выражение, застывшее на лице, говорило не о страхе, а о мире и покое.

— Сердечный приступ? — спросил Ванзаров.

Лебедев с силой застегивал пуговицы на жилетке.

— Сами не видите? — огрызнулся он. — Сильнейшее отравление.

— Какой яд?

Громяхнув содержимым саквояжа, Лебедев засунул пузырьки темного стекла.

— Наверняка скажу при вскрытии. Мышьяк, синильную кислоту, цианистый калий и прочую ерунду можно исключить. Дигиталис тоже.

— Она ела маринованные грибы.

— От грибного яда дама мучилась бы несколько часов, я бы ее спас. — Лебедев кивнул на гостей, которые сбились около сцены. — Эти тоже ели — и ничего, живехоньки. Бедняжка получила нечто слишком сильное...

— Примерно пять часов назад ее мучил насморк, последний час за ней наблюдал я, — сказал Ванзаров. — Какой яд может дать такую реакцию примерно через час после приема?

Аполлон Григорьевич не имел готового ответа. Что с ним случалось нечасто.

— Не уберegli мы с вами женщину, — только сказал он.

— Сможете быстро проверить блюда и напитки?

Выразив глубокое неудовольствие, Лебедев извлек из саквояжа коробочку с реактивами. Он подошел к столу, разглядывая севрюгу, маринады, шампанское и лимо-

над с видом волка, пробравшегося в овчарню и не решившего, каким ягненком полакомиться первым.

— Начните с моего соусника и салфетки, в которую сплюнул сметану, — посоветовал Ванзаров и поманил Половцева.

Печальный муж прятался за спинами гостей. Подойдя к Ванзарову, он старательно прятал глаза.

— Жду ваших объяснений, Сергей Яковлевич...

Половцев вздрогнул, как от озноба.

— Какие пояснения?

— Каким образом отравили вашу супругу.

— Я отравил? — изумился Половцев. — Да как вам такое в голову могло прийти!

— Днем Елизавета Андреевна пришла в сыскную полицию и заявила о своих подозрениях: она была уверена, что сегодня на банкете будет отравлена. Что и случилось. Отравлена по вашему поручению вашими друзьями...

— Значит, я поручил? — прошептал он.

— По статье 732 «Уложения о наказаниях» виновные в убийстве с обдуманном заранее намерением или умыслом, когда оное учинено посредством отравления, подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы в рудниках на время от пятнадцати до двадцати лет... Только полное признание смягчит вашу участь, господин Половцев.

Чиновник Цензурного комитета схватился за голову, как провинциальный трагик.

— Боже мой, что я наделал! — вскричал он. — Какую глупость совершил! Это будет мне наказание за жадность... Простите, господин полицейский, что обманул

вас! Обман невольный и казался мне, неразумному, безобидным... Простите меня...

Половцев молитвенно сложил руки. Не часто преступники каялись вот так сразу после зачитывания статьи Уложения о наказаниях. Ванзаров не знал, что закон имеет такую магическую силу.

– Готовы дать признательные показания?

– Готов! – с жаром раскаяния сообщил Половцев. – Скажу как есть. Ничего не тая.

– Извольте начинать.

– Никогда не был мужем этой женщины, увидел сегодня ее впервые... Я не Половцев, а Иван Сергеевич Замятин, вот извольте убедиться. – Убийца протянул паспортную книжку.

Псковский мещанин был зарегистрирован в петербургской полиции, как полагается любому приезжему в столице. Местом его проживания была дешевая гостиница на Выборгской стороне.

– Вы актер? – спросил Ванзаров, закрыв и не вернув паспорт.

Половцев, а вернее, Замятин поклонился.

– Так точно-с... Играем в провинциальных театрах и антрепризах... Извольте видеть мой лучший сценический костюм. Для ролей героев-любовников...

– Кто и когда вас нанял?

Обретя уверенность, что каторжные работы в рудниках ему не грозят, Замятин принялся рассказывать бурно и подробно.

Примерно неделю назад в Пскове его нашел незнакомый господин, имени которого Замятин не знал, и предложил непыльную работу: приехать в Петербург

и принять участие в игре. Театр, в котором зрители и актеры играют на сцене жизни. Ему следовало изобразить чиновника средней руки на новогоднем банкете. Никаких особых условий: чистая импровизация. Общаться, есть, пить, быть любезным. Замятину сообщили, что у него будет «жена», которую сыграет петербургская дама. Проявлять к ней интерес нельзя. Для роли запомнить фамилию с именем-отчеством. Важно, чтобы не было заметно фальши, все должно быть натурально и естественно, как в жизни. Постоянного ангажемента на зимний сезон у Замятина не было, платили хорошо: триста рублей. Он согласился.

— И вот, извольте видеть, чем кончилось, — с драматической ноткой заявил он.

— Что происходило, когда вошли в ресторан?

— Ничего особенного... Отдал метрдотелю приглашение, которое тот сжег, вошел в зеркальный зал. Там уже была вот эта бедная дама. — Замятин невольно покосился на тело и сразу отвернулся. — Она не позволила ручку поцеловать, сказала, чтобы вел себя так, будто мы в ссоре.

— Она вам так сказала?

— Совершенно верно-с.

— Что делала мадам Половцева?

— Ничего-с... Ходила из стороны в сторону. Репетировала большое волнение. На мой вкус, слишком переигрывала.

— Она принимала какие-нибудь лекарства?

Замятин выразительно задумался, как принято герою-любовнику.

– Не могу быть уверен... Так было жарко, что думал только о лимонаде. Но мадам не позволили налить кувшин...

– Семейства Щедриных и Сердечковых появились после вас?

– Совершенно верно-с, господин полицейский... Не изволите вернуть паспорт?

Ванзаров не изволил.

– Мадам Половцева указывала им, что делать? – спросил он.

– Зачем же, они и так осведомлены.

– Тоже провинциальные актеры, ваши коллеги?

Замятин принял гордую осанку.

– Да, актеры, господин полицейский. Извольте видеть, очень недурные актеры. Наши псковские таланты. Могут сыграть любой водевиль, любую драму. Публика будет в восторге.

– Вы их подрядили или тот господин?

Прозорливость показалась Замятину немного пугающей.

– Я-с, – робко проговорил он. – По просьбе того господина... С деньгами все честно.

Актерские гонорары не волновали Ванзарова. Он задумался ненадолго, но глубоко. Чего требовала психологика.

– Ваш наниматель – это тот господин Кошляков, что ворвался сюда и громогласно заявил о своей любви?

С плеч Замятина будто тяжкий груз свалился.

– Уж не знаю, как догадались, но именно так, – сказал он, улыбаясь. – Господин предупредил, что если

увидю его, чтоб не смел узнать... Когда он устроил такую сцену с признанием, я прямо не знал, как себя вести... Этакая коллизия! Прямо как в водевиле...

Вернув паспорт, Ванзаров потребовал, чтобы псковская труппа отправилась в боковую комнатку, где уже сидели венгерские цыгане со своими скрипками и дирижером, и не высовывала оттуда носа. Он же подошел к Лебедеву. Криминалист вытащил из пробирки пинцетом обмытые белесые шарики размером меньше пилюли.

— В вашем соуснике добавка нашлась... В сметане почти не видно... Ну, и язык у вас чуткий, сумели почувствовать и выплюнуть...

— Язык тут ни при чем. Зеркала помогли, — сказал Ванзаров, указывая на стену.

Лебедев обернулся к нему.

— Успели заметить, как подсыпали?

— В отражении.

— Кто-то из актеришек подсыпал?

— Фальшивый любовник постарался.

— Дело принимает другой интересный оборот. Раскрыть бы убийство до наступления полуночи и Нового года. Жаль пропустить праздник. Да и кухня в «Дононе» отменная... Так успеем?

— Вероятность есть, — ответил Ванзаров. — Важно определить, что в пилюлях.

— Можете не сомневаться, друг мой...

Судя по сдвинутым бровям, Аполлон Григорьевич был настроен более чем решительно. Он жаждал взять реванш у смерти, которая опять обыграла его.

• 4 •

По обыкновению, Курочкин возник из воздуха. Ванзаров спросил, куда делся господин, что вошел в зеркальный зал, а потом стремительно выбежал из него. От филера нельзя было укрыться. Тем более господин Кошляков не покидал ресторан, четверть часа назад отправился в мужскую уборную, из которой до сих пор не выходил. Видно, живот скрутило. Ждать его возвращения Ванзаров не мог. Вместе с Курочкиным он вошел в помещение, отделенное от гардероба плотным занавесом. Пол был покрыт плиткой в шашечку, напротив рамы выстроилась шеренга дверей, ведущих в отдельные кабинки. Около ближней туалетный прислужник, пожилой мужчина благообразного вида, с полотенцем, перекинутым через руку, приложил ухо к двери.

— Господин до сих пор в ватерклозете? — спросил Ванзаров.

— Что-то задержался, — ответил прислужник. — Может, дурно стало...

— Слышали, как его рвало?

Прислужник выразил согласие молчаливым кивком.

Ванзаров забарабанил в дверцу:

— Кошляков, откройте!

В кабинке было тихо. Ванзаров приказал вскрывать дверь. Чем привел прислужника в смущение:

— Как можно-с... Неприлично...

— Я чиновник сыскальной полиции, намерен арестовать подозреваемого. Открывайте, или вышибу дверь. Весь ресторан услышит.

— Рад бы услужить, но там щеколда...

Без лишних слов Курочкин извлек хитро загнутую проволочку, какую отобрал у домушника, просунул в щель, повернул и толкнул от себя. Штырь щеколды выскочил из гнезда. Филер распахнул дверь.

Кошляков стоял на коленях. Лицо свешивалось в ватерклозет, густо облепленный смесью желто-бурого цвета. Зрелище исключительной мерзости. Даже Курочкин, повидавший всякого, сдержанно кашлянул. Ванзаров потрогал пульс на шее и запястье. Пульса не было.

Приказав Курочкину никого не подпускать, пока Лебедев не осмотрит, Ванзаров выволок прислужника, которому стало плохо, и усадил на стул, чтобы старик отдышался на холодке. Очень кстати появился метрдотель, и без того встревоженный тем, что случилось в зеркальном зале. Мельпе боялся, что в большом зале узнают о происшествии, начнется паника. Праздничный вечер будет сорван, да и найдется немало гостей, которые сбегут, чтобы не платить. Огласка метрдотелю была не нужна.

— Господин Ванзаров, мне донесли, что вы из сыскальной, — начал он.

— Вопросы, господин Мельпе, задаю я. Отвечайте точно, четко и по существу.

— Да-да, как вам будет угодно.

— Банкет в зеркальном зале оплатил господин Кошляков?

Ответ метрдотелю дался с некоторым трудом. Видимо, за соблюдение тайны получил дополнительное вознаграждение.

— Никак нет-с... Его заказала и оплатила... мадам Половцева...

— Вышло рублей на восемьсот?

— Чуть более... Полторы тысячи... Включая цыганский оркестр...

Сумма существенно превышала годовое жалованье чиновника Цензурного комитета Половцева.

Вероятно, у мадам Половцевой имелся свой капитал.

— Когда был сделан заказ?

— Третьего дня... Позже у нас было все занято... Стало популярно встречать Новый год в ресторане.

— В котором часу мадам Половцева появилась?

— Около восьми... Только начали накрывать...

— Она заходила на кухню проверять, как готовятся блюда?

Мельпе выразил глубокое возмущение.

— Что вы, господин Ванзаров. Это категорически запрещено. Только я имею право...

— Мадам указала, где именно расставить гостевые карточки?

— Именно так-с...

— Карточки сами печатали?

— Дело привычное, даем в типографию заказ.

— Кроме сообщения о запаздывающем хозяине вечера, что еще должны были сказать гостям?

Мельпе пожал плечами:

— Ничего-с... Только это... Далее следить за переменахми блюд.

— Пожелания по приготовлению блюд?

— Ничего особенного... Разве только мадам просила сделать лимонад как можно кислее, добавив тройную порцию лимонной кислоты...

— А маринады?

— Тоже ее пожелание: сделать на крепком уксусе, подать прежде холодных закусок... Немного странно, но желание клиента для нас священно...

— Заметили, с кем Половцева общалась до банкета?

— Прошу простить, у меня столько дел... Некогда следить... Кажется, мадам выходила в большой зал, не могу быть уверен... А что случилось в мужской комнате?

— Гость умер на ватерклозете.

Ответ привел метрдотеля в состояние глубочайшей оторопи.

— В ваших интересах, чтобы об этом не узнали гости, — продолжил Ванзаров. — Сделайте так, чтобы официанты отводили всех отсюда.

Метрдотель поклялся самолично держать и не пускать. Два трупа в один вечер для него было непосильным испытанием. И в такой вечер! Что будет с репутацией «Донона» в наступающем году?

• 5 •

Судя по всему, Аполлон Григорьевич готовил сенсацию.

— Ну как, поймали вашего отравителя? — спросил он, хитро прищуриваясь.

— Его поймали раньше меня, — ответил Ванзаров.

Соображать Лебедев умел стремительно. Иначе не стал бы великим криминалистом.

— Мертв?

— Лежит в туалете. Его вывернуло наизнанку. Полчаса назад он ворвался сюда, заявив, что не может скрывать любовь к госпоже Половцовой. Вам определять яд.

Ванзарову пришлось удержать криминалиста, чтобы тот не побежал с саквояжем в мужскую комнату. Когда Лебедеву не терпелось заняться делом, он не слушал доводов разума.

— Как вас понимать, друг мой? Два трупа — а мы выжидаем?

— Это необходимо, — ответил Ванзаров. — Убийца до сих пор в зале. Если начнется суматоха, он уйдет. Поймать его будет практически невозможно. Доказать вину — тем более. Там дежурит Курочкин и кордон офицантов. К трупу Кошлякова никто не притронется.

Аргументы подействовали, Лебедев остыл.

— Этот Кошляков ел грибы со стола? — спросил он.

— Опрокинул полный фужер лимонада...

— Лимонад, — повторил Лебедев, пребывая в раздумьях.

— Аполлон Григорьевич, нашли что-нибудь?

— В севрюге — желатин, в грибах — уксус. В шампанском — углекислый газ, в лимонаде — сахар. Безобидные пищевые вещества...

— А пилюли из моего соусника? — спросил Ванзаров.

— Вот это интересно. Под оболочкой содержится мельчайший порошок белого цвета с желтоватым оттенком, если смотреть под микроскопом — как ломаные кристаллы.

— У вас микроскоп с собой?

— У меня знания, друг мой.

— Что говорят ваши знания?

— Hydrargyrum chloratum, или хлористая ртуть. Или сладкая ртуть. Более известная как каломель.

— Насколько помню, это лекарство, продается в аптеках.

— Различие в дозировке. Съесть одну пилюлю — будет польза. А если горсть, как вам подсыпали, — большой вред.

— Но не смертельный?

Лебедев кивнул:

— Каломель переходит в Hydrargyrum bichloratum, то есть в сулему, если входит в соприкосновение с лимонной кислотой. Суточная доза сулемы — 0,01 центиграмм. В горсти пилюль доза была превышена многократно. То есть однозначно смертельная доза.

— А в лимонаде как раз лимонная кислота, — сказал Ванзаров. — Почти тройную порцию положили по просьбе мадам Половцовой. Она любит покислее.

Лебедев, торжествуя, вскинул руку.

— Конечно! Вы съедаете севрюгу со сметаной и каломелью, вам жарко, вы запиваете лимонадом. В вашем организме начинается мгновенная реакция. В судебно-медицинской литературе описаны случаи, когда прием вишневой настойки с приемом пилюль каломели приводил к смерти. Что и понятно: в вишневой настойке содержится синильная кислота в незначительном количестве. Она взаимодействует с каломелью, обращая ее в синеродистую ртуть... Смерть от соединения каломели и лимонной кислоты тоже описана. Счастье, что вы не пьете лимонад, а пьете водку. Я всегда говорил: водка — лекарство от всех болезней.

Ванзаров взглянул на безобидный кувшинчик лимонада. Как хотелось выпить холодного напитка.

— Надо предположить, что мадам Половцева знала, что ей нельзя пить лимонад, — сказал Ванзаров. — А господин Кошляков не знал...

— Неужели?

— Половцева отказалась освежиться после обморока. Остается логически предположить, что она выпила изрядную порцию каломели перед этим. Берегла себя. А вот Кошляков наверняка знал, но в порыве забыл... И умер над ватерклозетом.

Аполлон Григорьевич поморщился, как от лимонада, который терпеть не мог.

— Зачем женщине самой себя травить?

— Отравила наполовину: она не пила лимонад.

— Но ела грибы! — воскликнул Лебедев. — Они маринованы в таком крепком уксусе, что издали слышно. Каломель в соединении с уксусной кислотой дает такой же эффект, что и с лимонной. Даже сильнее... Надежная причина смерти...

— Она не знала о действии уксусной кислоты, — сказал Ванзаров. — Вот в чем дело... Придется срочно разыскивать ее мужа...

— Чего его разыскивать? Сергей Яковлевич в зале сидит, с друзьями пирует за два стола от моего... Мы с ним раскланялись... Славный малый из Цензурного комитета...

Ванзаров сдержал возмущение.

— Знакомы с мужем Половцовой — и молчите?

— Но вы же не спрашивали? — ответил Аполлон Григорьевич с невинным выражением лица.

Господин Половцев действительно оказался славным малым. Ванзаров выдернул его из-за стола посреди общего смеха, вызванного остроумным рассказом. Сергей Яковлевич покинул друзей, посмеиваясь. Он радостно принял новое знакомство, ничуть не удивившись чиновнику сысской полиции. Все-таки в одном министерстве служат.

— Вам знаком некий господин Кошляков? — спросил Ванзаров.

Половцев принял вопрос за новую шутку.

— Знаком ли мне родной брат моей жены? Знаком ли мне мой милый шурин? Ну и вопрос, Родион Георгиевич. Насмешили...

— Он с вами за столом?

— С нами! — радостно сообщил Половцев. — Где же Арнольду еще быть! Убежал только куда-то, сейчас вернется... Все бегают, не может усидеть на месте...

— Не заметили, что Кошляков ел или пил?

Половцев откровенно засмеялся.

— Заметил! Арнольд ел и пил все, что было на столе! Давайте к нам? У нас весело...

— Прошу простить, дела, — ответил Ванзаров. — Где ваша супруга?

— Лиза? — спросил Половцев, будто у него было несколько жен. — Так она в Москве, сразу после Рождества уехала проведать мать и сестриц. У них там московское гнездо...

— Будьте любезны пройти со мной...

Приоткрыв дверь зеркального зала, Ванзаров пропустил Половцева. Тело загораживал стол. Лебедев распорядился, чтобы его накрыли простыней. Ванзаров подвел Половцева, откинул край, укрывавший лицо. Половцев замер, челюсть его отвисла.

— Лиза... Лиза... Лизонька... — проговорил он.

Пришлось удерживать, чтобы Половцев не бросился на тело жены. По щекам его текли слезы, он всхлипывал и причитал. Если игра, то это выше вершин мастерства. Горе Сергея Яковлевича было слишком искренним. Налить ему лимонада Ванзаров не решился, усадил на первый попавшийся стул. Сел рядом.

— Примите мои соболезнования, — сказал он.

Закрыв ладонями лицо, Половцев вздрагивал.

— Понимаю, как вам тяжело. Обязан задать вопросы, чтобы поймать убийцу, — продолжил Ванзаров. — Вы позволите?

Сергей Яковлевич еле заметно кивнул.

— Сегодня днем ваша супруга пришла ко мне и заявила, что вы хотите ее убить.

Половцев отнял ладони. Лицо его пропиталось слезами.

— Я... Убить... Лизу... Мою Лизоньку... Любовь всей моей жизни... Да вы в своем ли уме? Мы венчались по любви... Жили душа в душу... Собирались детишек завести... Какая глупость... Как она здесь оказалась?

Ванзаров не стал раскрывать, что мадам Половцева три дня как приехала, позавчера заказала в «Дононе» банкет.

— Выясняем, — ответил он. — Елизавета Андреевна рассказывала о клубе «Одиссей»?

Растерев глаза докрасна, Половцев засопел.

— Лиза говорила, что есть какой-то замечательный новый клуб, где можно весело проводить время. Обещала меня туда привести.

— У вашей жены имеются свои деньги или личный счет в банке?

— Наши деньги хранятся на моем счете... У нас все общее. Я выдал ей на дорогу значительную сумму.

— Сколько именно?

— Триста рублей.

— Ваша жена принимала пилюли каломели?

— Точно не знаю... Ей какой-то доктор прописал мочегонное или желчегонное, не помню.

— У кого она могла остановиться, вернувшись из Москвы?

Половцев пожал плечами:

— Ума не приложу... У брата точно не могла: у Арнольда квартирка маленькая... Разве гостиницу сняла...

Вошел Лебедев, показал знаками, что хочет немедленно сообщить что-то важное. Ванзаров проводил Половцева до двери, просил подождать в зале. Среди друзей горе переносить легче.

— Бедняга, — сказал Лебедев ему вслед. — Так вот, друг мой: этот ваш отравитель Кошляков сам отравлен каломелью. Вскрытие укажет точно, но внешний осмотр говорит об этом.

Взяв фужер, Ванзаров наполнил его до краев лимонадом.

— Не считите, Аполлон Григорьевич, за дерзость с моей стороны. Прошу вас позвать из зала одного господина.

• 7 •

Уверский вошел в зеркальный зал в прекрасном расположении духа. Ему было лестно, что сам великий Лебедев пригласил и ведет под локоток. Он поклонился Ванзарову, которыйпил лимонад большими глотками.

— Такая жара, что не могу остановиться, все пью и пью. Не желаете?

От лимонада Уверский вежливо отказался.

— У вас стол накрыт, а гостей нет, — добавил он.

— Гости мертвы, — сказал Ванзаров. — Изволите взглянуть?

Предложение было неожиданным. Уверский оглянулся на Лебедева, будто ища поддержки. Аполлон Григорьевич был строг и непроницаем.

— Ну, если настаиваете...

— Именно так, настаиваю... Вы же не только чиновник Врачебно-полицейского комитета, но и врач. Умеете лечить людей. На чем специализируетесь?

— Терапия внутренних болезней, — ответил Уверский.

— Благородно. Взгляните на труп...

Над лежащим телом Ванзаров приподнял простыню.

Уверский глянул и отвернулся.

— Какая трагедия: это же госпожа Половцева...

— Трагический спектакль, — Ванзаров опустил белую ткань. — Унес две жизни.

— Ужасно, ужасно. Но почему вы показываете мне?

— Дело в том, что автор этого спектакля мне известен, Александр Иванович.

— Неужели? — Уверский мирно улыбался.

— Блестящая идея преступления: чиновник сыскной полиции должен расследовать свое же убийство, не зная, что умирает.

— Не понимаю, о чем вы...

— Господин Кошляков погиб в мужской комнате, он ничего не мог рассказать. А вот Елизавета Андреевна успела дать показания. Нам известен автор двух смертей, господин Уверский.

Чиновник Врачебно-полицейского комитета не отпускал улыбку.

— Вы ошибаетесь, господин Ванзаров.

— Трудно разглядеть истину, когда она перед глазами. Все просто: Кошляков находит в Пскове актеров, Половцева снимает зал в «Дононе», чтобы устроить фальшивый банкет. Я выбран в качестве достойной мишени. Вы кормите Кошлякова и Половцева пилюлями каломели под любым благовидным предлогом, например как противоядие, и предупреждаете не пить лимонад. Но забываете сказать, что нельзя есть маринады, в которых уксусная кислота. Кошляков разыгрывает приступ влюбленного и сыплет мне в соусницу гость пилюль, в горячке выпивает лимонад. Наверняка вы сказали ему, что это невинная шутка: господина полицейского хорошенько пронесет, да и только... На один вопрос нет разумного ответа: зачем вам понадобилось убивать меня? Зачем придумывать клуб «Одиссей»?

Уверский слушал, медленно кивая.

— Жаль, жаль, господин Ванзаров, что вы ничего не поняли. С тем и оставайтесь. — Он сунул руку в на-

грудный карман, бросил что-то в рот и с силой раскусил. Что-то хрустнуло со звуком ореховой скорлупы.

Бросившись к нему, Лебедев сильнейшим захватом стал разжимать челюсти. Уверский отпихивал его руки.

— Он яд проглотил! — закричал Аполлон Григорьевич. — Помогайте!

Ванзаров принялся помогать, чем мог. Было поздно...

• 8 •

До наступления Нового года оставалось четверть часа. Метрдотель умолил оставить тела Половцовой и Уверского в зеркальном зале, чтобы не пугать гостей. Тело Кошлякова получилось незаметно вынести и отправить в полицейский участок. Лебедев остался с Ванзаровым. Курочкин был на страже у дверей.

Аполлон Григорьевич, не стесняясь, поедал порции севрюжины, закусывая грибочками. Аппетит его был силен и крепок, как всегда. Ванзаров к еде не прикасался, сидел в раздумьях.

— Что печальны, друг мой? — спросил Лебедев, работая мощными челюстями.

— Нелогично и нелепо.

— Что именно?

— Зачем убивать меня? Никаких дел, ни плохих, ни хороших, между мной и Уверским не было. Здоровались на приемах в министерстве.

— Кто-то попросил об одолжении. У вас врагов множество.

— Если Уверский хотел убить меня, мог найти десяток более простых способов.

— Всякое бывает, — сказал Лебедев, вытаскивая из зубов рыбью косточку.

— Не бывает, — ответил Ванзаров. — Половцева потратила полторы тысячи на банкет, еще столько же, чтобы нанять актеров... Таких свободных денег у нее не было... Откуда они взялись? Логично предположить: Уверский финансировал. Моя голова не стоит трех тысяч.

— Вы себя не цените...

— Любой беглый каторжник с Горячего поля пырнет ножом за пятерку. Мало того, Половцева втянула родного брата в авантюру. Втайне от любящего мужа приехала в Петербург, остановилась в «Англии». Пришла ко мне, чтобы заманить наверняка, зная, что на приглашение неизвестного клуба не поддамся. Отправила посыльного из гостиницы... И ради чего? Получить мой труп?

— За ваш труп многие готовы заплатить.

Можно расценить как комплимент. Логика считала по-иному.

— Так убийства не делают. Слишком сложно и непредсказуемо. Если бы я не пришел на банкет? Все напрасно? Половцева и Кошляков остались бы живы, но как устроили бы вторую попытку покушения на меня?

Аполлон Григорьевич отправил в рот порцию грибов.

— Выходит, не было красивой идеи: сыщик... прошу прощения, чиновник сыска погибает, расследуя свое убийство?

— Идея была. Наверняка. Как дополнение к главной игре.

– Игре? Что еще за игра?

Не было доказательств, только логическая цепочка. И оценка характера Половцева психологией. О чем в присутствии Лебедева лучше не заикаться. Психологию великий криминалист упрямо считал лженаукой. Ревнуя ее за победы.

– Единственное предположение, – в раздумьях сказал Ванзаров.

– Не томите, друг мой. – Криминалист вкусно причмокивал.

– Простой вопрос: почему Половцева сделала вид, что не знает меня, а потом подмигнула за столом? Для ее характера – откровенная странность.

– Волновалась, запуталась.

– Это нелогичный ответ.

– Неужели?

– Половцева не ошиблась и не испугалась. Потому что все случившееся, весь спектакль – это не покушение на меня лично.

– А что же?

– Дуэль. Честная дуэль с правилами и секундантами. Убийцы Половцева и Кошляков приняли каломель. И я должен был принять пилюли каломели. В живых остается победитель дуэли. А господин Уверский вроде арбитра. Секунданта. Половцева честно дала мне шанс уйти: я мог обидеться на ее глупую забывчивость. Когда подмигнула, дала сигнал: мы в игре, дуэль началась. Только она забыла мелкую деталь: зеркала в зале отражают то, что происходит за спиной. Без каломели лимонад был не оружием дуэли, а просто лимонадом.

Лебедев тщательно вытер рот салфеткой.

— Красиво, но никаких доказательств...

Ванзаров встал.

— Доказательство есть, — сказал он и подошел к телу Уверского.

Обыскав внутренние карманы пиджака, он вынул запечатанный конверт. На лицевой стороне имелась надпись чернилами: «Победителю».

— Это что такое? — спросил Аполлон Григорьевич, разглядывая послание.

— Приз, который секундант должен был вручить мне.

— Почему же не отдал?

— Его опечалил результат дуэли.

— Неужели?

— Вероятно, он сделал большую ставку на мою смерть. И проиграл. В этом клубе могут развлекаться опасными пари.

— Ставки были высоки?

— На мою смерть — наверняка. Тот, кто поставил, что уцелею, много выиграл.

— Эх, вот бы сорвать куш, — загрустил Аполлон Григорьевич, но тут же поправился: — Я бы ставил на вас... Всегда и во всем... Не тяните, открывайте приз...

Взяв столовый нож, Ванзаров поддел клапан и дернул. Внутри оказалась картонка, исписанная строгим прямым почерком. Трудно сказать определенно, но, похоже, этой же рукой было написано приглашение в «Донон».

Письмо сообщало:

«Господин Ванзаров! Если вы это читаете, значит, дуэль выиграли вы, а я проиграла. Оцените задумку нашего поединка: лучший сыщик столицы умирает,

расследуя свое убийство. Очень жаль, что не вышло. Ничего не поделать. Такие правила. Членом клуба «Одиссей» становится победитель. Поздравляю. Вас ждет множество приключений. Это будет интересная игра. Вы будете ставить на кон свою жизнь, не зная об этом. Как жаль, что я этого не увижу. Прошу не сообщать подробности моему любимому мужу. Ему будет и так тяжело. Прощайте, Ванзаров, и добро пожаловать в «Одиссей»!

Игра начинается».

Пульчинелла

...И все-таки Варвара вляпалась в карантин. Как сырник в сметану.

Путешествуя весной 2020 года по Северной Италии, и замечая, как эпидемия нарастает и становится хуже, она еще понадеялась. Конечно, на авось. «Авось» не вывез, а подвел. Окончательно — в аэропорту Guglielmo Marconi¹. В который она примчалась уже после объявления тотального карантина.

Стоило так спешить, чтобы узнать приятную новость: рейсы в Россию отменены. Все до одного.

Девушка на стойке информации, пряча доброту под маской, сообщила, что туристов будет забирать чартер. Когда — точно неизвестно. Не раньше чем дня через три. Или четыре. Как прилетят, так сразу. Если не отсюда, то из Милана. Это же почти рядом. Триста километров, какие пустышки.

В общем, Варвара застряла в Болонье.

Всему виной была жадность. Не та жадность, что толкает девушку от бутика к распродаже. Варвара страдала редким и тяжким типом жадности: жадность научная. Попав по гранту в Италию, она, что называется, дорвалась, набирая еще и еще материалы для канди-

¹ Аэропорт имени Гульельмо Маркони.

датской диссертации. Как какой-нибудь жадина Панталоне. Или скупой рыцарь. И все равно казалось мало. Жадность, как известно, наказуема. Порой в России, иногда в Италии. И вот возмездие: Варвара осталась бедной сироткой перед табло, на котором горел красный столб отмены вылетов.

Куда деваться? Города не знает, друзей нет. Ехать в Болонский университет, который стоял в планах, — бесполезно. Все закрыто, студентов и преподавателей разогнали на карантин. Надо искать гостиницу. Хоть бы кто помог одинокой девушке...

Желающие нашлись сразу, стоило Варваре выйти на стоянку. Около ее кроссовок затормозило такси. Водитель на чудовищном итало-английском спросил, куда синьорину подвезти. Варвара ответила на слишком правильном итальянском, что нужен недорогой отель. Совсем скромный. Сраженный родной речью в устах туристки, водитель выскочил из машины, распахнул дверцу и элегантно зашвырнул дорожный баул в багажник.

В машине пахло смесью табака и дешевого одеколна. С зеркальца заднего вида свешивался вымпелок с сине-красными полосами, белым крестом и надписью «VFC1909». Полосатыми наклейками были украшены дверцы и приборная доска. Не иначе таксист ярый бонельщик, тиффози.

Какое место занимает местный клуб в чемпионате Италии, играет ли в нем красавчик Рональдо, Варвара не имела ни малейшего представления. Футбол был последним пунктом списка ее интересов. Причем вписан самым мелким шрифтом.

Развернувшись на сиденье, таксист обещал отвезти в отличный отель с самыми выгодными ценами.

Варвара не питала иллюзий насчет отелей, рекомендованных таксистами. Вежливо улыбнулась и ответила:

— Grazie!

— Откуда приехала такая красивая девушка? — спросил водитель и подмигнул. Чего делать не стоило.

Варвара привыкла, что к ней подкатывали не только такси: такова судьба блондинки в кудряшках. Цвет и завитки были натуральными, то есть от природы и предков. В ней был смешан варварский коктейль кровей стольких народов, что ничего, кроме блонда или жгуче-черного, вырасти не могло.

Блонд обогнал. Варвара была блондинкой. Милым котенком, которого рука тянется приласкать или обидеть. Вот только вид был обманчив. Глупый самец, посчитавший Варвару легкой добычей, быстро жалел об этом. Порой жалел больно. Глупец видит внешность. А на ней не написано, кто она такая. На Варваре вообще не было надписей. Она не носила футболок с принтами. Считая их выражением неуверенности и внутренних комплексов.

Варвара ответила, что приехала из Милана. Чтобы пресечь расспросы.

Такси резво тронулось, водитель завел разговор. Которого нельзя было избежать. Раз ее везли в «лучший отель в городе».

— Какие сериалы смотрите?

На вид таксисту было хорошо за сорок, без седины, одет в простую кожанку и клетчатую рубашку, тщательно выбрит, и не сказать, что злоупотребляет кьянти.

Судя по потертому кольцу — давно семьянин. Наверное, дети взрослые. А может, и внуки пошли. Такой дедушка-живчик. Все это Варвара провертела в голове почти машинально. Как проделывала с каждым незнакомцем, с которым дорога сводила больше чем на десять секунд.

Она ответила, что редко смотрит телевизор.

— А я люблю кино! Старое кино... Оно было настоящим, не то что нынешнее. — И таксист пустился в рассуждения, как велики были Бергман с Феллини и как мелки по сравнению с ними нынешние «тарантины» и прочие «ридлискотты».

Варвара вежливо кивала, не вдаваясь в подробности. Чтобы совсем не увязнуть в разговоре.

За окном проносились незнакомые улицы. Они въехали в район современных домов. Такси резко тормознуло у невысокого трехэтажного особняка. То, что это отель, сообщала бронзовая табличка, на которой красовалось название: «Rocco e i suoi fratelli»¹.

Варвара невольно улыбнулась: куда же еще мог привезти старый киноманьяк. Что не помешало содрать с ее кредитки тройную цену за поездку. Таксист всегда таксист. Особенно когда везет блондинку-туристку.

Варвара утешила себя мудростью: «не обманутый турист — не отдохнувший». Хотя туристкой себя не считала.

От предложения донести сумку она отказалась. Не от обиды. Варвара считала, что современная девушка должна показать, кто теперь в мире хозяин. А хозяин сменялся. Мир мужчин трещал по швам. Надо было

¹ «Рокко и его братья», фильм Лукино Висконти.

подтолкнуть, чтобы рухнул окончательно. Сама Варвара толкала его не слишком усердно, но не отказывала себе в удовольствии наблюдать обиженные физиономии мужчин. Когда ущемляли их эго. И другие места... в душе, конечно. Каких у мужчин — сколько угодно. Только они не догадываются об этом. Ну ладно... Сейчас не об этом.

Варвара машинально запомнила номер такси и подошла на рецепшен.

Ей поклонился портье с роскошной шевелюрой, подернутой сединой. Маска на лице скрывала возраст. Скорее — меньше тридцати. Судя по чистому лбу. Вместо фирменного пиджака на нем был обычный, только с бабочкой. Бейдж сообщал, что к нему можно обращаться Allen.

Холл был украшен киноплакатами. Многие друзья Варвары о таких фильмах не слышали, полагая, что в древности, то есть в 40–50 годах прошлого века, люди влачили жалкое существование без смартфонов. С чем она была категорически не согласна.

Варвара сделала комплимент коллекции, заметив, что плакаты выглядят подлинными.

— Вы правы, синьорина, они настоящие. — Портье чуть поклонился. — Все с блошиного рынка... Предпочитаете сладкую жизнь?

— Скорее ночи Кабирии.

— И куда же корабль плывет?

— Где земля дрожит¹.

¹ Варвара и портье обмениваются названиями знаменитых итальянских фильмов.

— Bravo, синьорина, с меня коктейль!

Разговор, малопонятный для друзей Варвары, которые без гугла не знают ничего, но во всем разбираются, доставил ей неожиданное удовольствие. Вот бы еще и цены оказались такими же.

Из служебного помещения портье Ален вернулся с подносом, на котором красовался бокал с красным martini и оливкой.

Варвара чуть пригубила. Было вкусно, как вкусна победа, пришедшая по щелчку пальчиков. Кстати, не на маникюрных. Варвара считала глупостью думать о красе ногтей. Она спросила номер дня на три или четыре, до чартера.

Ален сообщил, что выбрать не из чего, у них остался один свободный, и назвал цену чрезвычайно выгодную.

Фантастика: таксист не обманул. В надежности своей кредитки Варвара не сомневалась. А с такими ценами и подавно. Да и куда тратить? Карантин.

— Живите сколько нужно, — сказал Ален, принимая у нее паспорт. — Нас всех ждет тяжелое испытание — карантин. Неизвестно, когда он кончится. Все очень плохо. Город закрывается... Если у вас закончатся деньги, поверю в кредит. Девушке, которая знает кино, нельзя не верить...

Варвара поблагодарила.

— У нас маленький отель, синьорина, и мы соблюдаем правила. Муниципалитет ввел драконовские ограничения. — И портье огласил запреты: выходить нельзя, гулять нельзя, контакты с соседями по номерам запрещены. Выходить на балкон тоже нельзя. И курить нельзя.

Ален попросил сдать на хранение зажигалку или спички. Ни сигарет, ни зажигалки у Варвары не было.

Пришло сообщение от деда, который волновался, почему нет вестей. Варвара прочла и не стала отвечать сразу. Ей хотелось оказаться в номере.

Портье заметил заставку смартфона: на старинной фотографии сидел чуть полноватый господин с умными и красивыми глазами, какие во все века сражали девичьи сердца, с русым вихром и роскошными усами вороненого отлива. Несмотря на черно-белый снимок.

— Прошу простить, не могу вспомнить этого актера немого кино, — сказал Ален, кивая на заставку экрана.

Варвара не любила, когда заглядывают ей в смартфон. Как в душу.

— Мой предок, — сказала она, пряча смартфон в карман куртки. — Из императорской России.

— Важное лицо?

— Государственный чиновник...

Портье выразил уважение к памяти о корнях. У них, итальянцев, это считается чертой национального характера: не забывать предков.

Варвара согласилась: забывать нельзя. Да и кто ж ей позволит...

Отказавшись от помощи, она затащила баул на третий этаж. Дверь номера открыл магнитный ключ. Других в маленьком, но гордом отеле не было.

Номер выглядел просто. Если не сказать убого. Как студенческое общежитие. Кровать, стол, два стула, тумбочка. Узкий платяной шкаф. Кресло, развернутое к окну, как к телевизору. Комплект из «ИКЕИ». Хоть новенький, неободранный. Телевизора, кстати, не было,

что Варвару не беспокоило. Бара нет. Что хуже. Но тоже терпимо. Душ такой узкий, что мыться можно, поджав руки. Окно широкое. Поискав, Варвара не нашла штор. Ни обычных, ни римских. Полная открытость. Из украшений — два постера в рамках. На стене у стола — «Секретные материалы», на другой — средневековая гравюра.

Зато воздух чистый. Кондиционер под потолком гнал свежий ветерок.

Варвара ощутила усталость. Скинула одежду, приняла душ, окунулась в махровое облако полотенца и осталась в футболке. Без надписей.

Пахло в номере не как в гостинице, духом санитарного средства, а домашними булочками.

Она уселась с ногами в кресло и вошла в соцсеть. Первым делом написала в личку своей подруге Насте.

Настя жила за счет популярного бьюти-блога про помады, кремы, шмотки и другие бесполезные вещи. С точки зрения Варвары. Зато в Милане и других модных городах Италии Настя бывала чаще, чем в продуктовом супермаркете у метро. Общих интересов у них не было. Ну, почти. Тем не менее это не мешало им дружить со школы. Как не мешали высшее образование Варвары и начисто забытая школьная программа Насти.

«Привет! Болонью знаешь?»

«Приветтики! — тут же ответила Настя. — Там есть магазин с отличными скидками на бренды. Сказать адрес?»

«Нет. Отель «Рокко и его братья». Что скажешь?»

Настя помедлила и написала:

«Не слышала. Я в «Савое Реджинси» живу. Что ты думаешь про мужчину с фамилией Фунтиков?»

Интересы Насти не слишком обширны: если не косметика, то мужчины.

«Искрометно. Но Шпунтиков – надежнее», — написала Варвара и отключилась. Толку от Насти, как всегда, было мало.

Она забралась в общий чат:

«Привет! Кто бывал в отеле «Рокко и его братья» в Болонье?»

«Никогда не слышал (смайлик)».

«Не бывала (смайлик)».

«Такой есть? (три смайлика)».

«Это ресторан? Там вкусно?»

«А кто такие братья Рокко?»

«Это новая пиццерия? Там вкусно?»

«Уродское название для кафе...»

Друзья опять не подвели: глупость на любой вкус. Зачем только с ними водиться?

Закрыв друзей, Варвара спросила у поисковика. Пои- тальянски спросила, пробовала и так и сяк. Поиск выдавал фильм во всех вариантах. Как будто в Болонье такого отеля не было вовсе. И сайта у него нет. И даже странички в популярной соцсети.

Не сдаваясь, Варвара ринулась на портал бронирования. Болонья предлагала десятки отелей. Кроме того, в котором сидела она.

Оставался проверенный способ. Варвара набрала заветный номер в мессенджере. Абонент «DEED» включился так быстро, будто держал смартфон на ладони. Или сильно ждал звонка. Что было недалеко от истины.

— Де-е-ед, привет! — сказала она, привычно растягивая «е», как тянут ус.

— Боже мой, кого я слышу? Неужели дражайшая бабышня Варвара изволила снизойти...

Ну да, она провинилась. Чуть-чуть. Ну подумаешь, не разговаривала с дедом три дня. Ну, замоталась... Главное, не подавать виду, что осознает вину. Еще чего! Какая вина? Везет деду такой книжный подарок, что вина сразу загладится. Дед все равно любимый. И другого нет.

— Де-е-ед, слушай, я в заточении.

— Попалась в ловушку карантина?

— Немного не рассчитала.

— Где замуровали, дорогая? В Милане?

— В Болонье...

— А вот «мои друзья, хоть не в болонии, зато не тащат из семьи...».

Дед не мог без игр. Значит, простил. А куда он денется? Еще бы не простить такую внучку. Не внучка, персик! Ну, в каком-то смысле.

— Да-да, «а гадость пьют из экономии, хоть поутру, да на свои», — поддержала она.

— Вывод: не пей гадость. И вообще не пей. Больше одного коктейля.

— Я знаю.

— Как Италия?

— Как заколдованный дворец. Все закрыто.

— Материалы для диссертации?

— Почти собрала, — соврала Варвара, зная, что дед знает, что она соврала. — Де-е-ед, слушай, я поселилась в...

И тут интернет пропал.

Ну, спасибо замечательной компании на букву «М». Иначе про них и не скажешь, как славные ублюдки на букву «эм». После этой подлости Варвара твердо решила перейти к другому оператору. Как только вернется. Нет ничего хуже, чем подставить блондинку в роуминге. Даже если она забыла положить денег на этот треклятый роуминг. Таких обид прощать нельзя.

Надеясь на чудо, Варвара потыкала в мертвый мессенджер. Чудо надежды не оправдало. Оставалось смотреть в окно.

Окно выходило на задний двор. Вернее — задний двор других домов. Напротив стоял дом не выше отеля. В брандмауэре вырезано панорамное окно, наверняка после реконструкции нескольких квартир в большую студию. Разрушить старое и сделать новое, безликое, зато открытое. Окно окаймлял балкончик, на котором еле пяткам поместиться. Но они помещались. Голые пятки яркой брюнетки. На холодном цементе. Вообще брюнетка была столь горячей, что пятки были пустяком. Вырез легкого платья и то, что им чуть прикрывалось, было куда интересней. Для мужского взгляда. Варвара лишь подумала, что девица одета как Барби-переросток.

Брюнетка курила в глубокую затяжку.

Варвара помахала ей. Просто так.

Брюнетка улыбнулась и помахала в ответ. Бросила сигаретку и медленно повернулась, будто демонстрируя, что прикрывало платье с тыла. И тут было на что посмотреть. Роскошные формы должны вызвать женскую зависть.

Зависти у Варвары не было и в помине. Ей стало смешно. Такая итальянская итальянка. Она еще подумала: а не щелкнуть ли ее на смартфон?

Варвара не заметила, как провалилась в сон.

Проснулась она в кресле.

На улице было темно.

Зато студия напротив залита светом. Варвара спросонья поморгала, не сразу понимая, это сон или уже нет.

Там происходило нечто странное. Крепкий, мускулистый мужчина в плотно облегающей майке, из которой лезли кусты волос, одной рукой держал брюнетку, а другой нещадно ее избивал. Рука была тяжела, брюнетку мотало, как листик на ветру. Наконец он взял ее за горло и ткнул в лицо смартфон. На котором было что-то опасное.

Задыхаясь в его лапище, брюнетка молитвенно сложила руки.

Ревность и кара за измену.

Что делать? Сидеть и помалкивать?

Варвара не умела быть безмолвным свидетелем. Она стала стучать в окно и кричать, чтобы немедленно прекратили. На таком расстоянии между двумя стеклопакетами такой крик не громче писка комара.

Нужно открыть окно. Варвара стала искать поворотную ручку, но ее не было. Окно закрыто наглухо.

Не разбивать же стекло в номере. Потом всю ночь мерзнуть. Да и кто дал ей право вмешиваться в чужую жизнь? Чего в семье не бывает? Особенно итальянской. Покричат и успокоятся. Хотя мутузить женщину с таким зверством — чисто мужская мерзость. Варвара счи-

тала, что бить женщину, даже провинившуюся, нельзя. Ну вот нельзя, и все. Табу. Ругать, обзывать, угрожать. Но руку не подымай. Иначе ты не мужчина, а баба. Ничем не лучше той, которую наказываешь. А еще растительность на груди развел.

Оставалось ерзать в кресле и смотреть.

Мужчина в майке отшвырнул смартфон и нанес такой удар, что брюнетка отлетела и лежала на ковре, скорчившись.

Варвара аж подпрыгнула: совсем перебор. Но куда там...

Волосатый поднял несчастную, выхватил нож и приставил лезвие к подбородку.

Это слишком. Даже для итальянских страстей.

Варвара вскочила и прижалась к стеклу, которое не пускало. А то бы она, конечно, перелетела через двор.

Почему брюнетка так покорна?

Куда смотрят соседи? Не могут не слышать криков...

Не опуская лезвия, волосатый говорил ей что-то, что исковеркало бешенством его не слишком приятное лицо. Брюнетка безвольно молчала. Убрав нож, он подхватил ее, отволол в глубину студии, бросил за арочный проем и сам зашел за него. Виднелись голые ноги брюнетки. Вдруг она стала быстро-быстро елозить ими, будто перебирала педали велосипеда. И так же внезапно затихла.

Из-за простенка показался волосатый. Его нож был густо заляпан красным, как и майка. В руке он держал...

Варвара шарахнулась в сторону и, держась стены, пошла к двери. Хорошо, что свет не включен...

Вниз она сбежала.

Портье Ален был занят просмотром черно-белого фильма по планшету. Он старательно не замечал футболки и босых ног. Постояльцы должны чувствовать себя как дома.

— Могу чем-то помочь, синьорина?

— Там, в соседнем доме, убили девушку, — сказала Варвара, не веря тому, что произносят уста ее. Как сказал бы дед.

— Вам показалось, синьорина.

— Ее избили и отрезали голову. — Варвара показала ладонью отрез.

Нельзя показывать на себе. Сколько раз бабушка говорила.

— Не может быть.

— Надо выйти и...

— Выходить запрещено, полный карантин.

— Тогда вызовите полицию...

Немного помолчав, Ален ответил:

— Это не поможет...

Варвара поняла причину его равнодушия:

— Вы боитесь? Боитесь мафии?

— Мафии нет. Больше нет. Как говорят. — Он помялся. — У нас тут не самый спокойный район. Мы предпочитаем не лезть в дела соседей.

— Какие дела — там преступление. Голову отрезали...

— Синьорина, мне жаль, что вам доставлено беспокорство. Ужин за наш счет.

— При чем тут ужин...

Который раз Варвара столкнулась с главным своим врагом — глупостью. Причем глупостью безнадежной и покорной. Что еще хуже.

Сделать вид, что ничего не случилось? Ну уж нет.

Невдалеке от отеля дежурил полицейский. Варвара приняла решение мгновенно. И пошла к дверям.

— Синьорина, нельзя выходить.

Толкнув дверцу, Варвара наткнулась на препятствие.

— Пожалуйста, откройте... — потребовала она.

— Синьорина, будьте благоразумны...

— Откройте, или я разобью...

— Как вам угодно...

Электрический замок прожужжал свободу. Варвара выскочила на улицу, забыв про холод. Полицейский обернулся. Он был в маске. Взгляд над маской не сулил ничего хорошего. Вот этой девушке в футболке с босыми ногами.

— Выходить нельзя. Вернитесь в помещение.

Варвара знала, что у нее несколько секунд.

— В соседнем доме убийство. Девушке отрезали голову. Я видела. Я свидетель.

От пяток до кудряшек ее просканировал строгий взгляд.

— Какой сериал смотрели?

Здесь то же самое: глупость. Причем глупость мужская, глупость при исполнении. То есть самая чугунная.

— Поверьте, я не сошла с ума: брюнетку избили и отрезали голову, — проговорила Варвара как можно спокойнее.

Полицейский кивнул:

— Будем считать, что я вас не видел. На первый раз... Вернитесь в отель, синьорина. Или сейчас же заплатите штраф полторы тысячи евро за нарушение карантина...